

Эмануил Глушкин

Приглашение на Жизнь

Эмануил Глушкин

Приглашение на Жизнь

«Издательские решения»

Глускин Э.

Приглашение на Жизнь / Э. Глускин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930112-3

Книга мотивирована не столько самим «Приглашением на Казнь» В. В. Набокова, сколько своеобразными философскими «траекториями» этого очень поэтичного прозаика, в этом огромном, Б-ом данном пространстве (или пространстве-времени) человеческой жизни — как человеческой пошлости, так и человеческих страданий. Стихи — почти все с биографическим оттенком — органически связаны с основным текстом.

ISBN 978-5-44-930112-3

© Глускин Э.
© Издательские решения

Содержание

К читателю	6
Первое домашнее задание	7
Эпиграфы	8
Исходное положение	13
Но как это, всё-таки, возникло?	15
Начинается!	17
Мысли мои, мысли... думы мои, думы	20
Зал суда	22
Еврейская тема	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Приглашение на Жизнь

Эмануил Глускин

*Памяти покойного Йоси Баная —
Выдающегося Израильского
Барда, Сатирика, и Воспитателя... всех.*

*Он как-то сказал об одном молодом эстрадном «герое»:
«Всё воеет и воеет – сколько можно?!
Вопрос в том – есть ли ему что сказать?»*

*Действительно – ЧТО есть ему сказать, и на каком коне
ему скакать?! Изрядно сказано – пускай его потужит, пускай перу
пророков он послужит Но КТО его родная мать?*

Иллюстратор Ирина Титова

Иллюстратор Эмануил Глускин

© Эмануил Глускин, 2018

© Ирина Титова, иллюстрации, 2018

© Эмануил Глускин, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-0112-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

К читателю

Это трудная, почти как учебник, работа – мотивированная как важностью и сложностью затронутых тем, так и их (для меня) романтичностью и поэтичностью, идущими – хороши они, или нет – прямо от сердца. Моя откровенность выражает доверие и уважение к Вам, дорогой Читатель, хотя, когда я что-то пишу – у меня всегда немного есть чувство, что я готовлю контрольную, а чтобы она была проще (а то уволят из колледжа!) – в ней нужно, хотя бы немного, использовать старые домашние задания.

Как в смысле упомянутой откровенности, так и в смысле всего стиля письма, Святым Покровителем настоящего сочинения, который мог бы быть найден в анналах русской литературы, скорее всего был бы Игорь Северянин, который как-то сказал с обычной своей смелостью:

Что до того что скажет Пустота
Под шляпками, цилиндрами и кэпи!
Что до того! – Такая нагота
Великолепней всех великолепий!

Первое домашнее задание

Для простейшего введения в основные мысли настоящего сочинения, автор просит читателя распределить следующие эпитафии – по наиболее подходящим им параграфам.

Эпиграфы («Автор» – Эмануил Глускин)

Если рождающемуся можно дать приглашение на казнь, то есть, на смерть, то почему умирающему нельзя дать приглашение на жизнь?

(Из частного письма).

В каждом человеке надо прежде всего видеть что-то хорошее.

Менахем-Мендел Глускин (мой дед по матери)

Скажи человеку, что он хороший – и он действительно станет хорошим; скажи ему, что он плохой – и он действительно станет плохим.

Лев Х. Вильскер (мой отец)

Без умения прощать нет ни любви, ни дружбы.

Автор

Я предпочитаю быть глиняной черной сковородой, пекущей белые блины

Григорий Сковорода

(в ответ на упрек в недоработанности своих произведений)

Когда красавица – от которой можно легко потерять голову – на тебя смотрит – это очевидное «Invitation to Beheading» («Приглашение на Казнь/Обезглавливание»), и то что (цитируя Набокова) «сообразно с законом, смертный приговор объявляется шёпотом» – в этом случае более чем понятно. Чем тише – тем страшнее.

(Из разговора друзей)

«Будете ли вы стрелять, или нет?» «Не буду, – отвечал Сильвио, – я доволен.»

А. С. Пушкин, «Выстрел»

«... питаться поневоле приходится действительностью, но задаваться идеалами тоже значит жить»

А. А. Фет, «Воспоминания»

Приглашение на казнь, – это когда одна красавица начинает вести трамвай, а другая проливает подсолнечное масло.

«Воланд»

Первый признак начала познания – желание умереть.

Франц Кафка

mortuos plango, vivos voco – оплакиваю мёртвых, зову живых.

(Latin expressions)

Не следует казнить седло за вину осла.

М. Сервантес

Человек, считающий свою жизнь бессмысленной, не только несчастлив, но вообще едва ли пригоден для жизни.

А. Эйнштейн

Да, но он иногда забирает с собой жизни других.

(Замечание автора)

Суть жизни – самого себя найти.

М. Икбал.

Я не стараюсь танцевать лучше всех остальных. Я стараюсь танцевать лучше себя самого.

Михаил Барышиков

Я не пою для всех – я пою для каждого.

Эдит Пиаф

Ни солнце, ни смерть, нельзя разглядывать в упор.

Ф. Лерошфуко

Если вы начнёте судить людей, у вас не хватит времени на то, чтобы любить их.

Мать Тереза

Кто понимает лишь то, что можно объяснить, понимает немногое.

Мария Эбнер-Эшенбах

Больше всего мы делаем обычно тогда, когда думаем, что делаем слишком мало.

Мария Эбнер-Эшенбах

Только в те мгновения, когда вы действительно видите людей смешными, вы действительно понимаете, как сильно вы их любите.

Агата Кристи

Повышенная чувствительность есть и у других, но они боятся в этом признаться, а я не боюсь.

Поль Сезанн.

Поэт всегда прав.

Анна Ахматова

Стихи, даже самые великие, не сделают автора счастливым.

Анна Ахматова

Главное: не теряйте отчаяния.

Анна Ахматова

Нету ведьм, но надо быть осторожным.

(Аргентинская пословица)

То, что сегодня нету никаких ведьм, ещё не значит, что они не могут вдруг все появиться завтра.

Автор

В хорошей книге больше истин чем хотел вложить в неё автор.

Мария Эбнер-Эшенбах

Горе прежде всего заставляет человека узнать, что он собой представляет.

Мария Антуанетта

Иметь врагов – древнейшая привычка человека, а, следовательно, и сильнейшая его потребность.

Ф. Ницше

Бурное страдание всё же предпочтительнее вялого удовольствия.

Ф. Ницше

Следует любить друга, помня при этом, что он может стать врагом, и ненавидеть врага, помня, что он может стать другом.

Биас

О мужественное сердце разбиваются все невзгоды.

М. Сервантес

Нельзя быть справедливым, не будучи человеческим.

Л. Вовенарг

Судья, осуждающий невиновного, осуждает самого себя.

Публий Сир

В России нет дорог, – одни направления.

Наполеон

У счастья и у любви нет дорог, – одни направления.

Автор

Дело в том, что вы всегда знаете, как правильно поступить, но самое трудное – это поступить правильно.

Н. Шварцкопф (американский генерал)

Будьте внимательны к вашим мыслям – они начало поступков.

Лао-Цзы

Романтизм «Алых Парусов» Грина, – это романтизм отрыва от действительности, и поэтому мало чему учит, хотя и может легко захватить чувствительного подростка (но это не обучение, а использование читателя). Романтизм «Дикой Собаки Динго» Фраермана – это романтизм терпеливого углубления в суровую действительность, и потому более полезен для воспитания и подготовки к жизни.

(Из мыслей учителя)

...поэт возводит явление в десятизначную степень, и скромная внешность произведения искусства нередко обманывает нас относительно чудовищно уплотнённой реальности, которой оно обладает.

О. Манделштам

Древнееврейский язык очень красив и звучен. Когда слышишь его, чувствуешь всю пламенность, всю горячность этой тысячелетней расы.

А. Вертинский (из воспоминаний «Дорогой длиною...»)

Мы знаем истоки Пушкина и Блока, но кто укажет, откуда донеслись до нас эта новая божественная гармония, которую называют стихами Осипа Манделштама!

Анна Ахматова

Где-то в Германии начинал писать В. Сирин (Набоков), уже совершенно не связанный с Россией и почти чужой. Его романы были увлекательны, как фильмовые сценарии, и абсолютно вненациональны.

А. Вертинский (из воспоминаний «Дорогой длиною...»)

Но всё-таки, во вненациональном пространстве «Приглашения на Казнь» появляется старичок-еврей. И именно это его одиночество там и является интересным, как и его (совершенно ясная мне) национальная точка зрения.

(Замечание автора)

Смелые слова Жанны Кальмон «У меня всего одна морщина, и я на ней сижу» было бы невозможно процитировать перед уважаемым читателем,

если бы мы не говорили о приглашении на ЖИЗНЬ. Где же, чёрт возьми (ч.в.), жизнь, если не ТАМ?!

Автор

Чтобы найти в современном Риме древний город – нужны были усилия археологов. А вот «старый город» нашей юности, который находится где-то в нашем сознании – нам вполне доступен. С другой стороны, не так уж трудно, в принципе, восстановить, и даже красиво достроить каменные стены, а вот в отношении того города что в нашей памяти, кажется, что поскольку молодость уже не вернётся, ничего там достроить нельзя. Но я читаю сейчас «Лолиту» Набокова, и ясно вижу, что ЕСТЬ гении, которые МОГУТ достраивать свой Старый Город!

Автор

Жизнь – это наиболее демократичная и интересная казнь, которую только можно себе представить!

Автор

Я уважаю того, кто уважает меня сегодня.

(Одна монахиня Псковской Области)

Дайте нам одну новую теорему, и мы докажем сорок других.

Е. С. Федоров (великий русский кристаллограф)

Исходное положение

Знаменитую космическую путешественницу Лайку следует всесторонне обследовать, хорошо накормить, надеть на неё вязаный пуловер, и наградить медалью. Но устраивать над ней суд неинтересно. Для этого надо найти какого-нибудь старого еврея, которому действительно есть что рассказать. Поэтому, мы солидарны с Набоковым в том, что он так и не устроил расправы над Цинциннатом, и казни и крови, да и суда то, не было, и попробуем как-то это исправить нашим скромным пониманием истинного смысла космических путешествий, то ли Лайки, то ли Цинцинната, то ли некоего их объединения – чтобы никто не захотел (а это сегодня в моде) предположить, что никакого путешествия на самом деле и не было. Да было оно, конечно, и даже весьма романтическое. Ну не положили же в спутник дохлую собаку вместо кошки, и направили эту собаку к Зодиаку только из-за рифмы?! Я это решительно отрицаю на основе своих научных знаний, несмотря на то, что на балконе у Пилата сам не стоял, руки мыл не так часто как он, и с тем, кто там стоял, стараюсь дела не иметь. Для меня искусственный спутник – это просто часть смоделированного Ковчега Ноя. А упомянутый подходящий еврей найдётся – не волнуйтесь. Где же нас, подходящих то, нет? Всегда хватало.

Уверяю вас что наш герой, старичок-еврей – тоже космический путешественник, не хуже Цинцинната, просто шкала времени другая, а поэтому и романтика и философия его траектории – тоже другие. Как и всякая такая «космическая траектория», и эта тоже – просто некоторая тропинка в тех же джунглях проблематичной человеческой психологии, которые так интересовали Набокова. А то что я знаком именно с этой тропинкой, эти джунгли очень мало меняет. Траекторию Набокова мы определяем так: все данное пространство – это насыщенный раствор мыслей и чувств, в котором летящий герой – это кристалл, растущий из этих мыслей и чувств, как обычный кристалл растёт из насыщенного раствора молекул.

Но будет ли этот кристалл пушкинским кристаллом, через который что-то начинает проясняться – ещё не ясно. Если это важно, – то это требует доработки. Поэтому каждый автор, принявший концепцию Набокова, должен выбрать ту траекторию, с которой он может работать, и «вне-национальность» Набокова, отмеченная Вертинским, очень важна. Я думаю, что тот почёт, который несомненно заслуживает Набоков, не будет ему дан, если эта степень свободы не будет использована «философскими» авторами разной национальной ментальности, и настоящее сочинение – всего лишь некоторый мотивирующий пример.

И ещё я хочу поделиться с читателем своими мыслями о старости. Скрытое величие рассказа Э. Хэмингуэя «Старик и Море» – в интуитивной корреляции простора моря и простора времени жизни Старика. Море превращается в лужи через испарения и осадки, и старость теряет свои степенность и достоинство через проявления дряхлости. Старичок-еврей, которого будут тут судить, тоже относится к неким просторам, и то что гений Набокова дал ему удить рыбу в канале без воды – не случайно – у этого старика ведь никогда не было и не будет моря воды – только море горя, хотя есть мнение (см. напр. Britannica) что Колумб, который искал за океаном (конечно революционное) будущее – был евреем.

Конечно, в обычном физическом смысле старость уродлива. В частности, носы с возрастом не становятся красивее, даже если это и чудесный распускающийся цветок обычной еврейской шестёрки.

Но на лице старика может быть видна красота его артистического мышления. Это мышление – как бы серебряная плёнка на задней поверхности стекла старого дорогого зеркала из аристократического дома, и молодой красавице (у которой ещё нет никакой серебряной плёнки на самой задней её поверхности) может быть очень даже интересно увидеть КАК она отража-

ется в этом зеркале, – то есть КАК она этого старого интеллектуала-артиста впечатляет. Ну нечто вроде:

Ах! Я не зря живу на свете,
Вся в трепете девичьих крыл —
Меня Эмануил заметил
И в гроб сходя благословил!
Да! Просто для меня он БЫЛ,
И не забыл, и не остыл,
И этот мир мне предоставил,
И мою скромность не простил!

Внимательный читатель заметит, что дело не только в молодой красавице. Например, то как я пишу тут о моей маме и моих детях – может правильно отражать то, как какой-то (любой) читатель думает о своей маме и своих детях.

Конечно, заменяя Цинцинната на старичка-еврея, мы в известной степени заменяем Лайку на зазнайку. Но, как говорят адвокаты, в этом нет ничего плохого кроме хорошего.

Но как это, всё-таки, возникло?

И подумал один Старый Друг – Да никакой особой роли этот старичок-еврей у Набокова не получил, но он спровоцирует Эмануила (который и сам такой), и никуда этот растяпа от пера не денется, и да узнаем мы что-нибудь интересное из Еврейской Мудрости!

И подумал Эмануил: – Ну не откажется же сам то он защитить свою любимую книгу от этого хулиганства! Уж не упустит он возможности восторженно высказаться о поэтичности Набокова, и критически по поводу моей Аристо-тельской романтики, которую многие разумные читатели (а на теле любого философа есть такие ...) отругали бы, если бы не понимали, что моя бочка Диогенова подпрыгнет от ярости и покатится прямо на них!

И ещё – думал Эмануил – нужна бы мне помощница по печати, и защитница, – но не такая про которую в Одессе говорят: «Где брошка – там перёд», или та, у которой на груди, как у купца Калашникова, весит медный крест со святыми мощами из Киева, или та, которая ходит на медведя с веточкой-рогатинной, и своею вмятиной, – а та у которой на груди весит шестиконечный щит Давида в форме маленькой золотой звёздочки! И тогда вот я – в мои то 68, да с семьёю внуками – отомщу своей старухе, за всё-всё, тем что возьму и **не** влюблюсь в эту машинистку – даже если и найду её – и не сможет моя старая обрадоваться тому что у её психа – который по ночам бредит формулами – появились какие-то, хоть и очень отдалённые Признаки Жизни.

Но где же взять такую помощницу лихую, чтобы ей за всё сказать «дякую»!

И подумала эта самая Воображаемая Машинистка, – та самая, которой нет и не будет – разве что это и есть сама Муза: Ай, – да ну его! Но хоть немного спасу я честь России где мы оба учились – набросив на этого неуклюжего романтика и наивного внука Главного Раввина Ленинграда смирительную рубашку Моего Разума и Русской Грамматики!

Да! Так это и началось, и пошел Эмануил – по странным мирам своим к берегу Тёплого Моря, и из его рваных штанов было видно его непролетарское происхождение, а не обычная ракушка.

А любовь его молодости, Татьяна Ларина, тут же ехала в карете с поднятым задом, и море смеялось тому, как же все студенты покойной тётки Эмануила, Софьи Менделевны Глускиной (которая его воспитывала в Пскове, и записывала хохмы своих студентов), были литературно образованы!

Ах, этот Псков и эта река, – которая называется Великая – но вовсе не из-за (не такой уж и большой) ширины своей, – а из-за величия человеческих (русских и других) жизней и душ вокруг!

И всё новые, тут как тут,
Облака на меня вдруг плывут;
И все вместе как войско насели, —
Так заносит зелёные ели
К рождеству заострённые пикой
Снег в России иконоликой;
Так, как в марте или апреле
Лёд идёт по реке Великой...

И подумал преступно и подпольно начитанный Эмануил: индо взопрели рифмы родимые, рассупонилось солнышко моего творчества, и, обойдя черту своей литературной оседлости, унюхал я портяночку своей фантазии, и аж заколдовался. И порешу я себя, горемыку,

на это отчаянное начинание – «Приглашение на Жизнь», и да выйдет что-то из этого, с Б-ей помощью.

И взвился, от ступней его и до самого его секретного мыслей-хранилища, пламень яростный, – смело сие деяние Эмануила в нём пожирающий, в знак того, что угодно это деяние, это жертвоприношение, Гос-ду. И да будет это пламя счастливым огнем Авеля, и да сгорят в нём, и стружки от карандашей, и всякие разночтения ничтожных критиков, дабы оные и сунуться сюда не посмели без приглашения!

Начинается!

Так вот, после того, как произошло воскрешение мертвых, начавшееся – как было обещано, – на Масленичной Горе, сразу к востоку от Старого Города (и недалеко от того места где живут – буквально в Арабской деревне – два из моих четырёх иерусалимских внуков), и степенный лях Станислав Ежи Лец смог снова сказать вместо «спасибо!» – «Во всем виноваты евреи, потому что это **их** Б-г нас создал», – вот тогда и вернулся к нам Владимир Владимирович Набоков (далее, **В. В.**), и заметил наше нижеприведённое стихотворение, истинно замечательное в смысле известного высказывания Пушкина, о том что стихи должны быть немного глуповатыми.

Дело в том, что в «Приглашении на казнь» жена директора присылает Цинциннату в камеру сливы, а великий физик Вернер Гейзенберг пишет в своих воспоминаниях, что он как-то заснул в поле, и его разбудила там девушка и накормила СВЕЖИМИ СЛИВАМИ... Ах!

Эта тема в книге нема —
Возмутительная серость
Что она не разгорелась!
Надо бы её раздуть, —
То есть, сделать поворот...

Ну, приятели, – так вот —
Потряса честной народ
И романа неба синь,
И, учтя, что буквы кривы, —
Предлагаем заменить
«Приглашение на Казнь»
(Я ведь вам не Стенька Разин...)
«Приглашением на Сливы».
Это раскрывает виды...
Как это – вы напишите
На отточенном иврите
(Я прошу вас – без обиды!) —
Быть в пещере без Аиды,
Лишь имея вид на сливы
И на сливовые нивы!
И под неба сливы синь —
Пригласим мы вас на ЖИЗНЬ!

Увидев эти, правильные по Пушкину, строчки, воскресший В. В. воскликнул: – «это свежая мысль!», и надо признать, что слова эти ввергли Вашего покорного слугу, – который играет тут роль воспитателя Цинцинната, да и самого Цинцинната, в глубокую задумчивость.

Конечно, это бесспорно, что сливы, присланные женой директора, должны были вдруг стать спелыми и свежими, – для того, чтобы Цинциннат их ел со здоровым мужским аппетитом (то есть, чтобы аппетитная жена директора так хорошо его кормила своими сливами), – но слово «мысль» привело бы тут даже профессора философии в серьезное замешательство.

Действительно, – какая тут, к черту, мысль, когда всем прекрасно известно, что для **такого** пищеварительного процесса – кому ума не доставало?

Так что никакой проблемы с умом, тем более горя от ума, тут и в помине нет.

Но уж раз дошло дело до женщин – то как не вспомнить что даже Нина Чавчавадзе считала своего мужа мыслящим человеком, несмотря на то, что персы разорвали эту крошечку великой Российской Империи на кусочки, от которых, возможно, и пошли всякие старички, к России уже не относящиеся, и столь пугающе непонятные, от которых (верь!), все беды человеческие и происходят!

Во всяком случае – думал растроганный сливами и всё-видящий Цинциннат – все должны помнить, что ум приносит не только горе, – но и поедателей грибов!

Да! Это был истинно замечательно-замечательный День Мысли! Цинциннат даже вспомнил, что его настоящее имя Кезон, а это его отец был Цинциннат Люций Квинций. Это был прекрасный отец, образец республиканских добродетелей и добрый сосед Понтия Пилата, и если бы наш Цинциннат меньше говорил и умничал, то настоящий Цинциннат никогда бы не разорился, платя штрафы за своего несерьёзного сына!

Но мы будем продолжать звать нашего героя «Цинциннат». Во-первых, потому что «цин-цЕнет» на Иврите это «банка», и это обеспечивает сохранность. Во-вторых, потому что ребенку меняют (добавляют) имя, обычно выбираемое раввином, только если этот ребёнок серьёзно болен.

Следующей мыслью Цинцинната было то, что, хотя в их семье не было Цезарей, но по некоей разумной аналогии с этими злодеями, тема казни и смерти должна была все-таки стать стержнем истории их семьи. И это поэтому, после заката солнца, в его камере становилось так темно и холодно.

Тем временем – и именно там, в камере – время и место чудесно переплетались, и, увлеченный своим непривычным мыслительным процессом, Цинциннат стал с сожалением думать о судьбе своего любимого автора – В. В..

Эта новая тема была много проще, и в нее стоило погрузиться, чтобы голова немного отдохнула.

Всё крутилось вокруг того факта, что отца В. В. – Владимира Дмитриевича – убил белогвардеец – черносотенец. Это было интересно, потому что, черносотенцы обычно убивали евреев, а евреи совершенно поразительный народ. Действительно – несмотря на то, что каждый еврей вроде бы хороший, а в одном месте (эти нижние детали будут и обсуждаться тут ниже) даже красивый, – все вместе они всегда очень плохие.

Это поистине уникальное свойство этих избранных (а тут, на научном уровне – рассматриваемых) существ, относительно которых Цинциннат пытался строго доказать (но, на полях той книги о народах, которую он тогда читал, не хватило места), что чем меньше евреи занимают пространства, тем дольше они существуют во времени. И тюремная одиночка начинала казаться ему самым прекрасным местом на свете.

Будьте уверены – думал Цинциннат – что если в России останется только полтора еврея, то уже это одно будет причиной всех бед и несчастий, накопившихся в этой добродетельной и абсолютно невинной стране, в которой каждый мужик ходит на медведя только с топором и рогастиной, и даже не всегда насилует бедное животное, – до или после!

Цинциннат был так сердит на жестоких евреев, что ему даже показалось, что он и сам еврей, и вот он стоит на крыше со скрипкой Страдивари, играет золотым смычком, и Марк Шагал идет к нему с мольбертом. А вот он уже стоит на той же крыше с автоматом, держа его, как скрипку, т.е. прикладом под подбородком, и водит по автоматическим струнам дубинкой, которая своим ремешком так умно одета на кисть руки, что никакой слушатель – любитель музыки, даже тот, у которого на голове повязка стукнутого безумца, не сможет эту дубинку выхватить и ударить нашего скрипача по ермолке, ... и Марк Шагал удаляется от него.

У меня есть идея – пробормотал Цинциннат, пользуясь своим временным положением еврея, – ещё одна типичная еврейская идея, появляющаяся на свет – а сколько их уже народилось! Вот держу я в руке череп и говорю какому-то антисемиту: «Это ты, Бедный Йорик!»

И тут вдруг оказывается, что внутри этого черепа спрятан булыжник, и я тррахх этого антисемита этим черепом по башке!

И вот с этим, – оказавшимся (по еврейским понятиям) довольно успешным, ударом, начинается наша узкая, но очень надёжная, тропинка Еврейской Темы – ведь никакой другой дороги или тропинки мы, к сожалению, не знаем – и именно она поведёт нас через этот почти непроходимый лес и космос общечеловеческой психологии и жизни, который так интересовал В.В.. И пойдём мы в грубых сапогах, с ржавым ведром, в долгий путь с буреломами и крутыми оврагами, и подобно тому как люди искали золото, а нашли нефть, – не найдём мы ни алых парусов, ни аленького цветочка, ни спящей красавицы, ни даже избушки на курьих ножках, – а нечто без чего по-настоящему и жить-то нельзя, и даже целого ведра на это не хватит!

Но, сказала же Алиса в стране чудес: «Как польза от книг без картинок и диалогов?», – и многие читатели возмутятся отсутствием даже аленького цветочка! Придётся пойти на компромисс, и в конце нашего повествования, самый настоящий Чёрт всё-таки появится!

Мысли мои, мысли... думы мои, думы

Конечно, тут было над чем подумать, но весенний снег уже таял, сначала у Константина Коровина, потом у Исаака Левитана, а затем и на всероссийском императорском дворе, где лежала в луже огромная свинья, сначала на правом, а потом на левом боку, и так, наслаждаясь апрельским солнышком, – раз в 300 лет, со страшным визгом и шумом переворачивалась с одного бока на другой. Разлетавшиеся при этом брызги чудесным образом превращались в памятники разным вождям и руководителям, которые быстро росли и как монументы, и в своём числе.

Ах! Б-же мой! И зачем это какому-то старичку—еврею понадобилось щекотать соломинкой в ухе этой очаровательной, мирно и сладко спящей свиньи – совершенно непонятно!

Было ли это потому, что Моисей написал в Ветхом Завете, что **ЕВРЕИ ДОЛЖНЫ НЕСТИ СВЕТ ДРУГИМ НАРОДАМ**, – как будто свет сам не способен распространяться – или это было потому, что не было услышано возражение этому в Новом Завете, – да-да именно ЭТОМУ, потому что будучи в детстве и отрочестве учеником Иешивы, Христос прекрасно знал Ветхий Завет, и именно ему возразил, сказав, «...И НЕ МЕЧИТЕ БИСЕРА ПЕРЕД СВИНЬЯМИ, ДАБЫ НЕ РАЗЪЯРИЛИСЬ ОНИ И НА ВАС НЕ НАБРОСИЛИСЬ»?

Эти слова Христа были очень серьёзным предупреждением евреям, – предупреждением великого пророка, но – позвольте заметить – не того, кто просто благообразен и закатывает глаза – как думают те, кому религия нужна только как украшение стен – то есть попросту не нужна. Ведь для людей серьёзных – даже не христиан (а надо же вам, господа присяжные, уважать всех!) – Христос – это тот, кто **УМЕЛ МОЛИТЬСЯ** за людей, и прежде всего за народ своей матери. Позвольте признаться читателю, что:

НАМ это был великий страх —
Прорвалось что-то в небесах
Сверкал зигзагами прокол,
Звенел-гремел в нас всякий колокол,
Холмы Иерусалимские тряслись,
По ним ручки с небес стремились...
О Боже, – как завидовал Геракл, —
И как хотел бы быть «ништjak» —
Но небосвод пред ним пролился
Когда этот еврейский мальчик плакал —
Когда рыдал! ... Всегда ВОТ ТАК...
Нет, – не рыдал, – ЗА НАС МОЛИЛСЯ,
Конечно верю – И ЗА ВАС...

Однако евреи никогда не чувствовали приближения катастрофы – а потому, в силу этой своей инфантильной беспечности, как гибли физически, так и сохранились духовно. В их судьбе смерть и казнь всегда были и будут логическим стержнем, и не важно, что уже случилось, а что еще только будет. В. В. – это удивительная смесь Достоевского, Гоголя, Шолом Алейхема, Андерсена, Льюиса Кэрролла и даже себя самого (а почему бы и нет – ведь умел же Цинциннат катать себя самого в детской коляске, когда писал стихи), – понимал всё это прекрасно, и поэтому в том самом канале не было воды – ни обычной, ни живой – только кошерные рыбы, которых надо было спасать.

Да, но как же нам расстаться со сливами, – темой столь тонко и глубоко разработанной персами?! Относительно слив, в Персии считается, что выдавать девочек замуж надо в 9 лет,

при этом они обязаны хорошо знать Коран, но не обязаны быть обрезаны, как это ещё сегодня делают некоторые племена в Африке и даже Азии.

Конечно, то, что тот самый русский посол, который мешал человеческую тупость и пошлость с грибами, женился на 16 летней грузинской принцессе – то есть старухе, христианке, и ведьме – той, которую он никогда не обижал, и которая потом написала на надгробном камне – «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?» – было обязано взбесить персов больше, чем напоминание о трёхстах спартанцах.

Но если все дело в каких-то словах и сливах, то при чем тут древний Рим и приглашение на казнь? Да просто потому, что само появление человека на свет – это уже приглашение на казнь! Да взгляните на любую мадонну с младенцем, например, Мадонну Бенуа или Мадонну Литу, которые находятся в Эрмитаже, или спросите любую израильскую мадонну, которых полным полно у нас на улицах!

И скажите мне, – разве вся жизнь человеческая – это не попытка спрятать голову под крыло, чтобы не видеть этого приглашения? То есть, разве вся наша жизнь не лежит на некотором отрезке времени и судьбы – где-то между «Гадким утенком» Андерсена и танцем «Умиряющий лебедь» из Лебединого Озера? Конечно, было бы разумно казнить Цинцинната под увертюру к Лебединому Озеру!

А если еще вспомнить, что мы живем в двух мирах – мире физическом, где нам проще всего отрубить голову, и в мире человеческой психологии, в котором нас можно казнить, лишив всяческой индивидуальности (то есть «унулить» унижением или мороченьем головы), – то становится ясно, что, уклоняясь от казни в одном из этих миров, мы как раз приходим к казни в другом!

И вообще, надо бы, – думал добряк Цинциннат, – устроить международное соревнование – кто наиболее элегантно спрячет голову под крыло, делая при этом реверанс! Но всё-таки, – продолжал он – относительно женщин можно сделать исключение, – если рождается Порядочная Женщина, то ей сначала надо дать приглашение на жизнь, потом на свадьбу, и только потом – на казнь, а потом снова на жизнь!

И, увлечённый темой женщин, наш бедолага даже вспомнил слова голливудской красавицы Мэй Вест: «Полукруг – это приятнейшее расстояние между двумя точками.» Так что хоть труби и пиши на свинцовые гробы – «Дорогие мне рабы, дорогие люди, сердцем с вами я навеки!» – прочитает БА-БУ-БЫ!

Так что нам осталось закончить чудесную тему слив и разобраться с последним заседанием суда по делу Цинцинната. Ведь Цинциннат ещё не знает, что – в качестве подсудимого и обречённого – его заменят, и даже в некотором соответствии с самим ходом всемирной истории – как Лайка была заменена Гагариным, хотя на замену Гагарина Цинцинната ещё официально не пригласили. Так вот сложно идёт время в тюрьме, и чтобы хорошо видеть прошлое – надо немного знать будущее. Но не просто так, что если ты знаешь что завтра твоя голова слетит с плеч – то это объясняет тебе что она наделала вчера, – а как то более поэтично.

Зал суда

Ах, какой чудный вид открывался из окна зала суда! Можно было потерять голову и умереть от одного восторга! Фасадом к окну, и очень близко от него, было замечательное высотное здание, отличающиеся тем, что оно было периодичным, будто бы начинаясь на минус бесконечности под землёй, уходя в небесную бесконечность. Прямо какой-то космодром для путешествия во времени!

На каждом этаже этого здания был балкон с тремя фигурами, и на первый взгляд все эти тройки были абсолютно одинаковыми, что само по себе наводило на некую грусть по поводу человеческой природы и теории Дарвина. Если бы вы посмотрели, как (ну прямо как мои студенты на уроках!) эти существа СКРЕБУТ – а худших глаголов тут УПОТРЕБЛЯТЬ – да и существительных тоже – я не собираюсь – своими пальцами смартфоны – вы бы сразу поняли, что так называемый «человек» (даже студент) произошёл вовсе не от разумной обезьяны, а от упрямой как осёл курицы!

Да, грустно, но весь фокус и внутренняя прелесть этого вида на небоскрёб была в том, что если очень хорошо присмотреться, то видно, что балконные тройки всё-таки разные. Так, например, на балконе прямо против окна стояли Наполеон, Пуанкаре, и Эйнштейн. Это была очень забавная тройка, – раз в шесть лет, Наполеон открывал рот и говорил по шпаргалке, что всё что сделал Эйнштейн ошибочно, а вот Пуанкаре – это пример французского гения, и поэтому то, что он сделал в теории относительности – это, и только это, правильно. Смущённый Эйнштейн каждый раз отвечал, что он никогда даже и не мечтал стать математиком, и поэтому не понимает при чём тут Пуанкаре.

Однако не все балконы включали в себя только тех, перед кем, по мнению Христа, нельзя было метать бисер – были представлены и более редкие животные, – внутренне, даже не совсем скоты. Прямо над балконом с Наполеоном был балкон с крокодилом, который проглотил адвоката, и леопард, который ловил этого крокодила. На этом балконе вместо герани цвела мораль, совершенно необходимая для всех поэтов – леопард открывал свой рот ТОЛЬКО ТОГДА, КОГДА ЭТО БЫЛО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НУЖНО.

Вообще, леопард был технически очень продвинутый, и по сравнению с ним, крокодил выглядел как логарифмическая линейка по сравнению с компьютером. Но не виновата же эта древняя рептилия в том, что, когда Б-г создавал леопарда, он уже имел большой опыт, и в это время уже были не колосс и глина, а еврейский «брит» и (у того же Матвея Исааковича Блантера) Катя-Катерина из-под топота копыт!

Упомянутый проглоченный адвокат был очаровательной, интеллектной и -альной, черноглазой, молодой (то есть ещё без внуков, но уже с каблуками, и вообще) адвокатшей, которая так погрузилась в косметику, что в последнем своём любительском прыжке забыла, как открывают парашют, псалмы бешено завывала, «алеллуя» и «амень» с дикою тоской занывала, и попала в разинутую пасть крокодила – этой отвратительной рожи, слегка порвав свой нательный ремень из его же кожи! Расстроенный автор не успел спасти её даже в своих столь дружеских мыслях, только успел заметить, что дело идёт к апрелю, и поэтому, учитывая ещё приятный ветерок снизу при падении, записал:

Вот пришёл апрель,
И с апрелем хмель,
Ветерок приятный утром на крыльце —
Налетит – разгладит морщинку на лице;
Мы давненько не влюблялись
Через букву Л,

И давно не целовались
Через букву Ц.

А сейчас вот – пересытив
Свою к ссорам страсть —
Ты закрыла крокодила
Предо мною пасть!

Ах, какие в этом страх
И судьбы напасть —

Чтобы перед крокодилом
И желудком его милым,
На колени пасть!

Да! Например Цинциннат мог бы действительно пасть на колени перед этой адвокатшей, и спросить её: «КОГДА ты, уже наконец, станешь человеком?» И она бы ответила: «ХМ...» – чудный ответ, показывающий незнание порядка, в котором пишутся римские цифры. Это возмутило бы нашего красавца, хотя он помнил, что и Клеопатра потрясала Антония своей безграмотностью, и потрясенный Антоний трясся над нею ночи напролёт.

Были и балконы с известными героями «Приглашения на казнь», на которых мы не будем останавливаться, чтобы не заставлять бедного Цинцинната снова плакать, наблюдая как его жена одновременно приносит «такое облегчение!» жеребцу и ослу, если называть действующих героев – в основном свиней – своими именами.

Но как ни интересно это здание в окне, – а то что происходит в зале суда гораздо важнее. Тут главными героями являются вовсе не Цинциннат, которого якобы пожалели, а умница Судья и Старичок-Еврей, которым якобы пожертвовали. Тот самый старичок, который у В. В. ловил рыбу в канале без воды. Посмотрим сейчас, что же он наудил для нас за последние три тысячи лет. Конечно, это не «Старик и Море», а «Старик и Горе», – ведь нету у него этой тонкой ярко-белой полоски воротничка священника над чёрной рубашкой, которая напоминает белую чайку взволнованного сердца над чёрным от бури морем – нашим морем-горем.

Относительно Цинцинната, который уже начинает таять как забытое мороженое, ещё отметим, что его очень заинтересовала, из центральной газеты, современная, модная, и технически прекрасно оснащённая казнь, при которой человека уничтожают путём лишения всякой индивидуальности, то есть при помощи постоянного поддержания состояния с замороженной головой. Цинциннат даже растрогался и записал, уже относясь к смерти довольно дружески:

За стихом летает стих, —
Перестань листы марать, —
Чтобы стать Ein Ding an Sich
Надо очень долго ждать...
Смерть с елеевой клюкой
Обнимать и понимать —
Как никто другой!

И когда ты в Леты гладь
Глянешь чтобы всё узнать —
Вновь спокойно себе стой,

И не бойся Ей сказать —
Можно мне Вас снова ждать
Как никто другой?

Еврейская тема

Совсем обойтись без этой вечной и страшно больной темы, «Старик и Горе», тут всё равно нельзя, поскольку подсудимый будет евреем, стоящим не перед еврейскими, и вряд ли очень дружелюбными, глазами. Поэтому от описания соответственных чувственных декораций нельзя уклониться, даже не будем пытаться этого делать. Но эти декорации тоже требуют некоторого введения, и Великий Гоголь, который гениально намазал, в своём «Тарасе Бульба», евреев чёрным фоном вокруг украинцев, в надежде сделать последних БЕЛЕЕ поляков (задача совсем нелёгкая, и без всегда и во всём виноватых евреев тут не обойтись) – нам в этом решительно поможет.

И да узнают они там – не в саду и огороде, а в Сенате и Синоде – как чуден Днепр при тихой погоде! И да расскажет им Тарас Бульба (раз Картошка, два Картошка, один камень – Ein-Stein, два – брось в еврея, не жалея), что когда эти кровопийцы – еврейские арендаторы – слишком надоедали благородным казакам, то последние начинали развлекаться, радостно топя этих ужасных евреев в реке. И действительно, – почему бы хорошему и честному человеку не удовлетворить чувство собственного достоинства и превосходства путём убийства того, кто хуже него?! Ведь даже если сначала не ясно почему убиваемый так плох – подождите пока его труп начнёт разлагаться – и всё встанет на свои места. В любом случае, есть тут и гениальный казацкий патент решения проблемы с арендой, и упомянутое уникальное свойство евреев не чувствовать приближения грозы.

Да, – не умели евреи постоять за своё достоинство, как это понятие обычно понимается другими обделёнными, униженными и оскорблёнными (то есть, почти всеми) народами, – а только за достоинство всего человечества, чтобы люди не были уж слишком похожи – хотя их самих это мало волнует – на обезьян, куриц, и свиней! И когда спросили одного японца, прожившего несколько лет в Израиле – чем отличается, в сущности, Израиль от Японии, – он ответил: «В Японии всё держится на понятии чести, – а у вас – совести». Конечно, и упомянутые казаки заботились о своей чести – только вспомните как Тарас Бульба испытывал своего Андрея на кулаках, по приезде того из Бурсы, и как, для дальнейшей проверки благородного Андрея, уговорил казаков поступить вероломно с Турецким Султаном... Просто возмутительно, что в этой истории – по упущению Гоголя – ни один отвратительный, тощий еврей НИКОГО НЕ ПРЕДАЛ, а вот бравый Андрей...

Но не буду я отнимать хлеб и время у нашего старичка-еврея, который, конечно, намного умнее меня, и рискует своей жизнью чтобы наконец-то озвучить тут что-нибудь разумное. Ведь хорошо известно, что у каждого еврея есть своё мнение, с которым он сам ещё не согласен, а другой еврей уже давно согласен. Я только очень удивлюсь и обижусь, если читатель поленился достать (и, может быть, даже сделать своей настольной книгой) «Краткую Историю Евреев» С. М. Дубнова – ведь прочитав эту книгу, он стал бы ещё умнее, хотя ему и кажется, что дальше уже некуда – тупик!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.